

ПЕРВАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА, ВЕРСАЛЬСКАЯ СИСТЕМА И СОВРЕМЕННОСТЬ. СПб.: СПбГУ, ИВИ РАН, 2012, 352 с.;
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ. М.: ИВИ РАН, 2014, 282 с.

Российские историки задолго начали готовиться к столетнему юбилею Первой мировой войны. Об этом свидетельствуют материалы научных конференций, посвященных проблемам изучения истории войны.

В октябре 2011 г. в Санкт-Петербурге прошла подготовленная Санкт-Петербургским государственным университетом (СПбГУ), Институтом всеобщей истории (ИВИ) РАН и Российской ассоциацией историков Первой мировой войны конференция под названием “Первая мировая война, Версальская система и современность”, по материалам которой в 2012 г. был издан сборник (ответственные редакторы – И.Н. Новикова, А.Ю. Павлов). Сборник состоит из предисловия и шести частей: “Военно-политические аспекты Первой мировой войны”, “Национальная идея и война”, “Первая мировая война и общество”, “Первая мировая война и международные отношения”, “Дипломатия Версаля”, “Международные последствия Версальско-Вашингтонской системы”. Авторы охватывают широкий круг проблем: от различных аспектов войны до ее последствий и их влияния на изменения международной политики.

Среди авторов сборника не только отечественные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Петрозаводска, Уссурийска, Рязани, Тулы, Тамбова, но и историки из Белоруссии, Австрии, Великобритания, Италии, Турции.

В предисловии отмечается, что «в истории XX века трудно найти другое такое событие, которое настолько глубоко бы изменило мировую цивилизацию, насколько это сделала Первая мировая война: распались империи, возникла сеть новых независимых государств, появилась новая система международных отношений, из горнила войны вышли мощные социальные движения, Европа пережила серьезный духовный кризис, кризис “потерянного поколения”» (с. 5). “Война 1914–1918 гг. стала первой тотальной войной, когда не оставалось ни одной области человеческой жизнедеятельности, которая каким-либо образом не испытала на себе ее влияние... В сущности, Великая война стала первой глобальной войной со всеми вытекающими последствиями” (с. 5).

На страницах сборника представлены некоторые новые интерпретации сюжетов истории Великой войны. Статье д.и.н. Е.Ю. Сергеева (ИВИ РАН) “Военная разведка России в Первой мировой войне, 1914–1918 гг.” пред-

послан эпиграф Наполеона: “Поверьте, в военной стратегии ничто так не влияет на ход сражения, как невидимая работа разведчиков” (с. 20). Автор анализирует деятельность русской военной разведки по стратегическому, оперативному и тактическому направлениям. В статье отражены действия отдела генерал-квартирмейстера Главного управления Генерального штаба в структуре Военного министерства и отделений штабов приграничных округов, а также Морского генерального штаба. В условиях коалиционной войны во взаимодействии со странами Антанты главную роль играл стратегический уровень. Наиболее эффективно союзники сотрудничали в таких областях, как агентурная, авиационная и радиотехническая разведка (с. 21). При этом русской разведке была присуща ведомственная разобщенность. Однако упущения в работе военных спецслужб не дают оснований считать военную разведку России “слабой и непрофессиональной”, как это делают некоторые зарубежные авторы, очевидно, поверхностно осведомленные о результатах ее работы. Руководитель германской военной разведки В. Николай утверждал, что захваченные немцами в ходе Восточно-Прусской операции (август–сентябрь 1914 г.) документы свидетельствовали, что русское командование обладало набором разведанных и документацией о Германии, сравнимой с имевшейся в немецких штабах (с. 28). Отсюда следует вывод: “Несмотря на досрочный выход России из войны, вклад офицеров разведки в конечную победу Антанты оказался значительным, а сама русская военно-разведывательная служба, приобретя богатейший опыт на полях сражений, заслужила впоследствии репутацию одной из лучших в мире” (с. 29).

Д.и.н. В.К. Шацилло (ИВИ РАН) отмечает, что германской военно-политической элите не удалось в 1914–1915 гг. решить главной задачи – ликвидировать Восточный фронт и вывести из войны Российскую империю. Несмотря на поражения, русская армия не была разгромлена; к началу кампании 1916 г. она сохранила боеспособность. Потерпели провал и надежды германского руководства вывести из войны Россию путем заключения с ней сепаратного мира. “Нет ни одного документального свидетельства о том, что кто-то из высшего руководства в Петрограде был склонен пойти на мировую с Берлином” (с. 39).

В статье “Химическая война на полях первой мировой: наука, промышленность, инновации” к.полит.н. А.А. Малыгина (СПбГУ) отмечает, что успех на фронтах впервые был связан с успехами в лабораториях. “Гонка открытий” не уступала по темпам “гонке вооружений”. В результате “война приобрела особый наукоемкий характер” (с. 57). По итогам войны победители резко ограничили военные возможности побежденных. В Германии полному запрету подверглись подводные лодки, военная авиация, бронетанковые силы и химическое оружие. Примечательно, что эти пункты Версальского договора, в отличие от других, не вызвали разногласий Антанты (с. 65).

Статьи кандидатов исторических наук И.Б. Беловой (Калужский государственный университет) и Т.В. Котюковой (Институт военной истории МО РФ) посвящены проблемам положения военнопленных стран Четверного союза в России (с. 128–135, 136–146). Авторами анализируются соглашения о возврате немецких, австрийских, венгерских, болгарских, турецких военнопленных, заключенные между Советской Россией и Германией, Австро-Венгрией (позднее отдельно с Австрией и Венгрией), Болгарией и Турцией в 1918–1921 гг. (с. 132–135).

К.и.н. Т.И. Трошина (Северный государственный университет, г. Архангельск) поместила в сборнике статью «Первая мировая война как “пусковой механизм” процесса социальной депривации (на материалах социальной истории северных губерний России в первой четверти XX века)». Автор отмечает, что в конце войны «в точном совпадении с концепцией Кейнса, возник конфликт интересов, что придало событиям Революции и Гражданской войны здесь особую форму: размежевание населения происходило не на основе имущественных конфликтов, а в зависимости от степени включения в модернизированную культуру, что, собственно и способствовало возникновению “социальной депривации”, которой было легче придать идеологические формы, необходимые для “разжигания” революционного пыла» (с. 155).

Итальянский историк, профессор кафедры истории христианства Университета г. Болоньи У. Маццоне раскрывает тему “Западные Церкви и Первая мировая война”. Автор упоминает обращение императора Австро-Венгрии Франца Иосифа от 28 июля 1914 г. “К моим народам”, в котором звучат религиозные мотивы. Маццоне приходит к выводу, что религиозная жизнь народов Европы влияла на события, связанные с войной. В пропагандистских усилиях противоборствующих

сторон дело доходило до того, что во Франции, как отмечает автор, присутствовали “черты конфессиональной войны (католическая Франция против лютеранской Германии)” (с. 159).

Последствия Версальского мира для системы международных отношений рассматриваются в статье профессора Университета Бари (Италия) А.Дж. Де Робертиса. Он подчеркивает, что в западной историографии существуют различные точки зрения на политику России в начале XX в. и СССР в 1920–1930-е годы. Однако в настоящее время появляются работы, в которых осуществляется пересмотр сложившихся подходов. Западные политики и историки пытаются объяснить современную политику России, исходя из критериев исторической обусловленности и преемственности (с. 322–326).

Авторы опубликованного ИВИ РАН сборника статей “Актуальные проблемы истории Первой мировой войны” поставили своей задачей, как подчеркивает в предисловии ответственный редактор сборника, председатель Российской ассоциации историков Первой мировой войны Е.Ю. Сергеев, “отразить новейшие тенденции” современной российской историографии, “внести скромную лепту в освещение малоизвестных или забытых страниц трагических событий 1914–1918 гг.” (с. 3).

В сборник вошли 11 статей по разным направлениям историографии Первой мировой войны. Прежде всего речь идет о России, но немало статей посвящено и другим странам. Представлены статьи в основном российских авторов (за исключением британца Дж. Блэка и итальянца А.Дж. Де Робертиса). В сборнике рассматривается широкий спектр проблем истории Первой мировой войны.

В предисловии отмечается, что сборник строится по проблемно-хронологическому принципу; он открывается статьями к.и.н. О.В. Павленко (Российский государственный гуманитарный университет) и д.и.н. В.К. Шацillo, в которых раскрываются малоизвестные аспекты военного планирования великих держав и нюансы их дипломатических отношений. В статьях Е.Ю. Сергеева, кандидатов исторических наук Д.Ю. Козлова (Институт военной истории МО РФ) и Г.Д. Шкундина (Институт славяноведения РАН) анализируется ход войны на восточноевропейском театре военных действий. Интересны статьи д.и.н. Д.В. Лихарева (Дальневосточный федеральный университет, г. Уссурийск) о военно-морском сотрудничестве Великобритании и США; д.и.н. В.В. Романова и к.и.н. Н.Ю. Жуковской (Тамбовский государственный университет),

освещающие политику США в отношении Великобритании и Канады.

Е.Ю. Сергеев в статье “Роль Восточного фронта в Первой мировой войне” пишет, что изучение колоссального военного опыта, который приобрела Россия на полях сражений в годы Первой мировой войны и вооруженных конфликтов сразу же после ее окончания, представляет собой важную исследовательскую задачу на современном этапе развития историографии. Ее значимость обусловлена введением в научный оборот большого массива источников из ранее недоступных архивных фондов; появлением нового поколения историков, свободных от прежних идеологических стереотипов и владеющих компаративными методами исследования; исчезновением прежних барьеров, затруднявших международные контакты ученых, расширением возможностей получения информации через глобальные компьютерные сети (с. 56).

В статье В.В. Романова и Н.Ю. Жуковской «От “Североатлантического треугольника” к “Североамериканскому партнерству”: США и Канада в годы Первой мировой войны» показано, как формировалось сотрудничество обеих стран, известное ныне как “особое партнерство”, основанное на своеобразной североамериканской идентичности (с. 139–156). В отечественной историографии этой проблематике уделялось мало внимания. “Между тем история сотрудничества США и Англии на морях и динамика отношений заокеанской республики с крупнейшим британским доминионом в западном полушарии полны, как это хорошо показано в публикуемых материалах, противоречиями и коллизиями, требующими углубленного изучения”, – подчеркивает Е.Ю. Сергеев (с. 3–4).

Острая внутриполитическая борьба, шедшая во многих странах Европы во время Первой мировой войны, представлена на примере Швеции. В статье д.и.н. И.Н. Новиковой (СПбГУ) “Нейтралитет или союз: внутриполитическая борьба в Швеции по вопросам внешней политики в годы Первой мировой войны”, автор, широко используя архивные материалы, отражает основные тенденции и этапы внутриполитической борьбы в Швеции. В статье показывается, что “активисты” и “нейтралисты” в Швеции вели на протяжении всей войны непримиримую борьбу. Отмечается, что “нейтралитет Швеции не был беспристрастным”. Страна шла на уступки тому, от кого в конкретный момент исходила наибольшая для нее угроза. «Несмотря на то, что в общественном мнении доминировал тезис о

“русской угрозе” Швеции, в действительности шведская правящая элита опасалась не России, а Германии» (с. 184). Но на завершающем этапе войны Швеция оказалась ближе к лагерю Антанты, прежде всего к Англии.

Д.и.н. В.В. Дамье (ИВИ РАН) в работе “Анархисты, синдикалисты и Первая мировая война” подчеркивает, что “Великая война смела хартию нейтрального синдикализма”; послевоенный выбор “стоял между большевизмом и анархо-синдикализмом” и “речь шла о превращении войны в социальную революцию” (с. 221). Статья к.и.н. И.В. Смирновой (МГУ) посвящена восприятию войны в военной и гражданской среде Великобритании. “Война затронула не только прямых участников, но всё общество в целом. Она меняла не только фронт, но и тыл, к сожалению, в разных направлениях” (с. 206). Касаясь политики западных держав и прежде всего США по “прибалтийской проблеме”, д.и.н. С.В. Листиков (ИВИ РАН) приходит к выводу, что для переговорщиков на Парижской мирной конференции эта проблема в рамках “русского вопроса” была одной из наиболее запутанных (с. 243). Что касается прибалтийских политиков, то “сложившаяся взаимная нелюбовь с Москвой едва ли вселяла в прибалтийские правительства уверенность, что она окончательно отказалась от желания восстановить контроль над утраченными в годы мировой и гражданской войн Российским государством землями региона” (с. 273).

Подробный анализ политических шагов великих держав по вовлечению Румынии в войну или же удержанию ее в положении нейтрального государства, а затем боевых действий на Румынском фронте, прежде всего русской армии, дается в статье Г.Д. Шкундина “Румынский фактор в наступлениях российской армии 1916–1917 гг.: воздействие и последствия” (с. 101–123).

Заметным упущением рецензируемых сборников стало недостаточное внимание к тому, что происходит в зарубежной историографии, где в связи со столетним юбилеем Первой мировой войны появился ряд фундаментальных трудов. В целом авторы названных работ, как и Российская ассоциация историков Первой мировой войны, в последние годы внесли весомый вклад в изучение “начальной катастрофы XX века”.

В.П. Любин,

доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИНИОН РАН